

Игорь Семенович Кон

Бить или не бить?

Серия «Диалог»

«Бить или не бить?» — последняя книга выдающегося российского ученого-обществоведа Игоря Семеновича Кона, написанная им незадолго до смерти весной 2011 года. В этой книге, опираясь на многочисленные мировые и отечественные антропологические, социологические, исторические, психолого-педагогические, сексологические и иные научные исследования, автор попытался представить общую картину телесных наказаний детей как социокультурного явления. Каков их социальный и педагогический смысл, насколько они эффективны и почему вдруг эти почтенные тысячелетние практики вышли из моды? Или только кажется, что вышли? Задача этой книги, как сформулировал ее сам И. С. Кон, — помочь читателям, прежде всего педагогам и родителям, осмысленно, а не догматически сформировать собственную жизненную позицию по этим непростым вопросам.

Предисловие

В далекие послевоенные годы, когда я учился на истафке Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, у нас был большой курс истории педагогики. Читал его известный специалист в этой области профессор Е. Я. Голант (1888—1971). Читал хорошо, эмоционально, с отличным знанием дела. Все классики педагогики в его изложении были замечательными учеными и великими гуманистами. Но в какой-то момент каждой своей лекции Евгений Яковлевич глубоко вздыхал, грустнел и говорил: «Однако была у него одна ограниченность — телесные наказания детей он считал неизбежными». Поскольку это говорилось почти обо всех классиках педагогики (во всем остальном они друг с другом расходились и без этого не стали бы классиками!), мы смеялись, что, видимо, это единственная достоверно установленная педагогическая истина, которую от нас почему-то скрывают.

Повседневная жизнь это впечатление подкрепляла. Не то чтобы всех нас в детстве жестоко пороли — лично меня никто никогда пальцем не тронул, но шлепки и тычки считались нормальной частью повседневной жизни. Не были исключениями и профессора педагогики. Летом после второго курса я вместе с однокурсниками работал воспитателем в пионерском лагере, и в старшем отряде там оказались два сына нашего профессора педагогики Леонида Евгеньевича Раскина (1897—1948). Это был замечательный человек, его курс — один из немногих, который я прослушал целиком, от начала до конца, потому что это было интересно. Однако сыновья его были большими неслухами, и когда в первое же воскресенье Раскин приехал в лагерь, он сказал моему приятелю: «Своих мальчишек я знаю, так что, если станет невмоготу и захочется дать ему подзатыльник, я в претензии не буду». Конечно, это была шутка, не думаю, что Леонид Евгеньевич на самом деле бил своих сыновей, да и мой однокурсник этим разрешением не воспользовался, но терпимость к телесным воздействиям была для нас нормальной.

Про Антона Семеновича Макаренко и говорить нечего. На словах он был против рукоприкладства, но мы все читали «Педагогическую поэму» и нисколько не сомневались в том, что, если бы Макаренко однажды не избил Задорова, ничего с этими хулиганами у него бы не получилось.

Практически на всем протяжении истории человечества порка считалась необходимым, а то и единственным эффективным средством воспитания. Не многим лучше обстоит дело и в современном мире. По данным многочисленных массовых опросов, 90% американских родителей «верят» в порку; даже среди семей среднего класса, которые значительно либеральнее рабочих и фермерских семей, «не верят» в нее лишь 17%. Достаточно широко распространены и соответствующие «педагогические» практики.

В то же время против телесных наказаний идет борьба. Их категорически осуждает Конвенция ООН о правах ребенка. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) в 2004 г. провозгласила ни много ни мало *общевропейский запрет на телесные наказания детей*.

С некоторым опозданием заговорили об этой проблеме и в России, причем на самом высоком государственном уровне:

«Поистине страшная проблема — насилие в отношении детей. По официальным данным МВД, в 2009 г. от преступных посягательств пострадали более 100 тысяч детей и подростков... Известно, что жестокость порождает встречную жестокость. Дети ведь усваивают ту модель поведения, которую обычно демонстрируют им взрослые, а затем, конечно, переносят ее в свою жизнь: школу, институт, армию и в собственную семью. Долг всего общества — сформировать атмосферу нетерпимости к проявлениям жестокого обращения с детьми, выявлять и пресекать подобные случаи» (Послание Президента РФ Федеральному Собранию 30 ноября 2010 г.).

Как либерал и гуманист я полностью разделяю эти идеи. Но насколько научно обоснованы и социально-педагогически реалистичны такие рекомендации? Мало ли в мире гуляет утопических идей, реализация которых заведомо невозможна, а попытки сделать это принесли бы больше вреда, чем пользы?

Чисто теоретический, историко-антропологический интерес к этой теме возник у меня еще в 1980-х годах. В книге «Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива)» (1988) я писал:

«Как же влияют телесные наказания на самосознание и чувство собственного достоинства ребенка? Сегодняшняя педагогика уверена, что отрицательно, и для условий, в которых порка выглядит исключительным, чрезвычайным событием, это заключение, вероятно, справедливо. Но ведь

было время, когда порка детей была массовой. Можно ли сказать, что в таком обществе индивидуального достоинства вообще не было и быть не может? Вовсе нет.

Как уже говорилось, в средневековой Европе детей били и пороли повсеместно, но особенно распространенной была эта практика в Англии. Английские педагоги и родители XVI—XVII вв. славились жестокостью на всю Европу. <...> Официально санкционированная порка сохранялась в английских школах, в том числе аристократических, вплоть до самого недавнего времени. Тем не менее никто не упрекал английских джентльменов в отсутствии чувства собственного достоинства. Напротив, указание на развитое личное достоинство и гордость присутствует в любом иноземном стереотипе англичанина.

Чем объяснить этот парадокс? Может быть, порка, считающаяся нормальным элементом соционормативной системы, воспринимается индивидуальным сознанием не как что-то оскорбительное для личности, а как обычная рутинная процедура? Или психологический эффект порки снижается благодаря коллективной враждебности и ненависти воспитанников к деспоту-учителю, который может покарать, но не унижить, как не может унижить человека бездушная машина? Или психологический эффект имеет не столько способ наказания, сколько представления о его законности или незаконности, складывающиеся у ребенка в результате усвоения существующих независимо от его воли и данных ему школьных и иных правил?

Эта проблема ставится и в более общем социологическом плане. В 1958 г. У. Бронфенбреннер, проанализировав 15 проведенных между 1932 и 1957 гг. исследований о методах воспитания детей, пытался обобщить существующие в этой сфере классовые различия. Из этих данных вытекало, что родители из рабочей среды прибегают к телесным наказаниям чаще, чем представители средних слоев. По мнению последующих исследователей, это способствует большей распространенности в рабочей среде авторитарных установок, склонности к физическому насилию, жестокому обращению с детьми и поддержанию особой “субкультуры насилия” (драчливость, отождествление маскулинности с агрессивностью, высокий уровень преступности и т. п.). Однако детальный анализ позднейших исследований показал, что классовые различия в стиле воспитания детей существенно уменьшились, а основанные на них предположения, хотя и не утратили эвристического значения,

не могут более считаться эмпирически обоснованными. Эта тема требует более детального изучения родительских ценностей и стиля воспитания в целом (надеюсь, что меня не заподозрят в желании реабилитировать порку)».

Всерьез заниматься этими вопросами я не собирался. Но несколько лет назад, когда я был в командировке в Швеции, меня пригласили выступить в местной организации «Спасите детей» («Save the Children»). Это одна из самых влиятельных и активных международных организаций по защите детей от жестокого обращения и телесных наказаний.

Должен признаться, что при всей моей искренней симпатии к их целям и задачам деятельность подобных сообществ всегда вызывала у меня легкий скепсис. В мире существует множество организаций, стремящихся защитить всех от всего: животных от людей, людей от животных, женщин от мужчин, детей от взрослых, верующих от неверующих и т. д. и т. п. Все эти ассоциации исповедуют высокие нравственные принципы, но при ближайшем соприкосновении с ними они порой обнаруживают такую высокую степень догматизма и нетерпимости, что хочется отойти в сторонку.

Как говорили в позднесоветские времена, мировой войны не будет, но будет такая борьба за мир, что на Земле камня на камне не останется. К тому же некоторые защитники угнетенных живут по старому советскому анекдоту: «Что охраняем, то и имеем».

Однако шведские защитники детей никакого догматизма и экстремизма не излучали, разговаривать с ними было интересно и приятно. И я подумал: почему бы мне не заняться этой темой? Интересно, актуально, благородно, социально значимо и, в отличие от сексуального образования, на осиное гнездо не похоже (я просто был «не в теме»). Если уж спасти российских детей от неприятностей, порождаемых сексуальным невежеством, никак невозможно, может быть, их хотя бы бить станут меньше?

Бегло ознакомившись с мировой литературой, я с удивлением обнаружил, что ни в одной международной базе данных никаких сведений о состоянии дел в России нет, хотя до Октябрьской революции научных публикаций на эту тему было довольно много, а в русской классической литературе этот сюжет был одним из основных. Я решил попытаться восполнить пробел, и Российский гуманитарный научный фонд, который финансировал почти все мои предыдущие исследования, любезно предоставил мне грант № 08-06-

00001a на тему «Телесные наказания в социально-педагогической перспективе».

Как и все прочие мои исследования, работа была задумана как глобальная, сравнительно-историческая и междисциплинарная, имеющая как минимум три взаимосвязанных автономных аспекта:

1. *Историко-антропологический* — насколько распространены в разных человеческих культурах и обществах телесные наказания, в чем они заключаются, каковы их социальные функции, с какими социально-структурными и этнокультурными факторами они связаны, как соотносятся друг с другом нормативный канон воспитания (представления о должном) и реализующие его конкретные телесные практики.

2. *Психолого-педагогический* — насколько эффективны эти телесные практики, каковы их непосредственные и отдаленные результаты, какое краткосрочное и долгосрочное влияние они оказывают на участников процесса, наказуемых и наказующих, а если порка является публичной, то и на зрителей, и как сказываются изменения соответствующих практик на морально-психологических свойствах детей и молодежи?

3. *Сексологический* — какова взаимосвязь телесных наказаний с тем психосексуальным комплексом, который психиатры и сексологи называют спанкинг-фетишизмом (потребностью в порке), БДСМ или садомазохизмом (СМ). Моралисты и защитники розги эту тему обычно стыдливо обходят, зато ее широко обсуждают психоаналитики и литературоведы, особенно в связи с биографиями знаменитых людей, на всю жизнь сохранивших привязанность к порке.

Разумеется, моя книга не является ни первой, ни исчерпывающей. Телесным наказаниям посвящена поистине необозримая научно-исследовательская и популярная литература. Моя задача состоит лишь в том, чтобы извлечь из нее социально-педагогический смысл и помочь читателю, прежде всего педагогу и родителю, осмысленно, а не догматически сформировать собственную жизненную позицию по этим непростым вопросам. Исходя из этого, я старался сделать книгу максимально ясной и удобочитаемой.

В первой главе «Культурная антропология телесных наказаний» обсуждаются мировоззренческие, философские основы темы: что значит «телесное наказание», как оно соотносится с понятиями воспитания, дисциплины и насилия, как относятся к телесным наказаниям разные культуры и

религии и как выглядят соответствующие социально-педагогические практики в сравнительно-исторической перспективе.

Вторая глава «Немного истории» посвящена истории телесных наказаний детей в странах Запада. Меня интересует не столько развитие педагогических теорий, сколько конкретные дисциплинарные практики и то, как они осуществлялись в семье и школе.

Вы можете спросить: зачем углубляться в историю, если всем и так известно, что детей всегда пороли? Однако без исторического экскурса невозможно понять не только прошлое, но и современное состояние общественного сознания. Существующая по затрагиваемым мною вопросам огромная научная литература фрагментарна, противоречива и широкому читателю недоступна. Чтобы избежать утомительной скачки галопом по Европам, в качестве главного места действия я выбрал Англию, в которой телесные наказания существовали особенно долго, почти до конца XX в., и были, пожалуй, наиболее жестокими. Кроме того, в молодости я был специалистом по истории Англии XVII в. Затем коротко рассматривается история телесных наказаний во Франции и в Германии и более подробно — шведский эксперимент. Швеция стала первой страной, которая законодательно запретила телесные наказания не только в школе, но и в семье.

Меня интересуют не только и не столько сами наказания, что и как с детьми делали, сколько субъективная сторона дела: как сами дети воспринимали, переживали и осмысливали порку и ее влияние на их позднейшую, взрослую жизнь. Ведь именно из ретроспективного осмысления детских переживаний постепенно вырастает идея прав ребенка и требование полного запрета телесных наказаний. Истории и реальным результатам, на основе международной статистики, этого движения, посвящены два последних параграфа главы.

Место действия третьей главы — дореволюционная Россия. Поскольку наказание детей по определению не может существенно отличаться от дисциплинарных методов, применяемых к взрослым, начинать приходится с сечения взрослых, которое было одним из устоев самодержавного крепостнического порядка, и отношения к нему государственной церкви и «просвещенных» слоев тогдашнего русского общества. Далее, с опорой на мемуарную и художественную литературу, описываются практики

телесных наказаний в школах и других учебных заведениях XVIII— XIX вв., показывается, как долго и мучительно русская общественная мысль добивалась либерализации и гуманизации школьного воспитания (особенно важна в этой связи знаменитая полемика между Н. И. Пироговым и Н. А. Добролюбовым) и как эволюционировала русская семейная педагогика. Не будучи специалистом по истории России, я не претендую на научные открытия в этой области знания. Но систематических исследований этой темы нет, а без них невозможно разобраться в том, что же, собственно, представляет собой «отечественная традиция» и какое историческое наследие мы (не государство, а я и мой воображаемый читатель) хотели бы увековечить, а какое, наоборот, преодолеть.

Как и в предыдущей главе, я подробно излагаю и цитирую личные документы, автобиографии и художественные произведения. Многие из этих источников общеизвестны, некоторые даже хрестоматийны. Но собранные вместе они производят гораздо более сильное впечатление, чем это возможно в школьном курсе истории и литературы. Прочитав этот сугубо описательный, нарративный материал, вдумчивый читатель не только лучше поймет прошлое, но и морально подготовится к его последующему теоретическому обсуждению.

Четвертая глава «Телесные наказания в советской и постсоветской России» является историко-социологической. Она открывается кратким очерком о проблеме телесных наказаний в советской школе и семье, о том, как соотносились в этом вопросе теория и практика и почему в 1980-х годах необходимость защиты детей от жестокого обращения и телесных наказаний была осознана и вышла на страницы советских изданий в качестве важнейшей социальнонравственной задачи. Затем описывается социальное положение детей в современной России, показывается, что насилие над детьми очень часто лишь притворяется наказанием. На основе анализа массовых опросов общественного мнения прослеживается, как исторически меняются отношение россиян к телесным наказаниям и их реальные дисциплинарные практики; какие социально-экономические слои и группы населения поддерживают, а какие осуждают телесные наказания детей; какие за этим стоят политические и идеологические интересы; как права ребенка соотносятся с правами человека и как все это связано с процессами модернизации России.

Пятая глава «Каков эффект телесных наказаний?» является преимущественно психологической и содержит критический анализ новейшей мировой научной литературы по этому вопросу (в России масштабных исследований этой темы нет, споры идут на уровне «мнений», ссылок на авторитеты и личный опыт). Оценивая данные и выводы специальных исследований, я пытаюсь ответить,

а) насколько эффективно телесное наказание с точки зрения поставленных перед ним частных задач по сравнению с другими методами дисциплинирования,

б) является ли оно успешной школой послушания и

в) каковы его побочные и долгосрочные психологические последствия.

Эта тема распадается на ряд подвопросов: как телесные наказания влияют на агрессивность ребенка и его склонность к насилию, на физическое и психическое здоровье ребенка, на взаимоотношения в семье, на когнитивные процессы и умственные способности ребенка. Поскольку научные исследования, как правило, не дают однозначных выводов типа «это хорошо, а это плохо», особое внимание уделяется оценке их методологии и степени доказательности.

Так как такого рода специальная литература у нас никогда и никем не анализировалась, эта глава особенно важна для практических психологов.

Последняя, шестая глава «Порка как удовольствие» рассматривает телесные наказания в сексологической перспективе. Какие эротические чувства вызывают телесные наказания у подвергающихся им детей и подростков и у осуществляющих эти наказания взрослых? Насколько вероятно закрепление этих чувств и переживаний в виде пожизненной привязанности к порке? Как объясняют и оценивают данные явления современная психиатрия и сексология? Можно ли «профилактировать» их возникновение или проще воздерживаться от телесных наказаний детей?

В заключительной главе «Так все-таки — бить или не бить?» подводятся теоретические итоги и делаются практические выводы.

Данная книга является по своему жанру научно-популярной и предназначена для широкого круга читателей, прежде всего для родителей. Поэтому я старался избегать технических терминов и объяснять рассматриваемые проблемы максимально просто и понятно. Но так как многие обсуждаемые в ней вопросы в России ранее не освещались, а

актуальность их неуклонно возрастает, книга может заинтересовать и некоторых профессионалов.

Исходя из этой двойственности потенциального адресата, я применил двойной стандарт в библиографии. Чтобы не утяжелять основной текст книги, общеизвестные литературные источники, которые легко найти в Интернете, цитируются без точных библиографических ссылок. Напротив, использованные научные труды присутствуют в списке литературы достаточно полно, и профессионалу имеет смысл обращаться к первоисточникам.

*Игорь Кон
Январь 2011*

Глава 1

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ

О, детства солнечные дни!
О, годы счастья, где они?
Где розга золотая?

Адельберт Шамиссо

ЧТО ЗНАЧИТ «ТЕЛЕСНОЕ НАКАЗАНИЕ»?

Понятию и сущности наказания посвящена необозримая философская, религиозная, юридическая, психолого-педагогическая, историко-антропологическая и социологическая литература. Последняя известная мне обобщающая философская статья на эту тему, опубликованная в Стэнфордской философской энциклопедии, датирована 2010 г. (Bedau, 2010), а отечественная кандидатская диссертация — 2009-м (Блюхер, 2009). Даже поверхностный обзор этой литературы, не говоря уж о содержательном ее анализе, явно превосходит мои возможности. В данном параграфе я ограничусь самыми общими определениями и формальными параметрами, без которых обсуждение и расчленение темы невозможно.

Толковые словари определяют «наказание» по-разному. В словарях Даля и Фасмера этого слова нет. Согласно словарю Ожегова, наказание — это «мера воздействия против совершившего преступление, проступок». По словарю Ушакова, это «взыскание, налагаемое имеющим право, власть или силу, на того, кто совершил преступление или проступок; кара». Английское *punishment* происходит от глагола *to punish*, впервые зафиксированного в 1340 г. и восходящего к старофранцузскому *puniss-*, в основе которого лежит латинский глагол *punire* — наказывать, причинять боль за какие-то нарушения. Более ранняя его форма — *poenire*, от слова *poena*, которое, возможно, вдохновлялось финикийским способом казни путем распятия.

В самом общем значении слова, наказание — это применение к человеку или животному каких-то неприятных или нежелательных для него мер воздействия, причинение

ему страдания в ответ на неповиновение или нежелательное, антинормативное поведение.

Энциклопедические определения термина зависят от контекста.

В юридической, особенно уголовно-правовой, литературе «наказание» обычно рассматривается в связи с «преступлением». Согласно Словарю основных уголовно-правовых понятий и терминов (Баранов, Марфицин, 2001), наказание — «мера государственного принуждения, назначаемая от имени государства по приговору суда лицу, признанному виновным в совершении преступления, и влечет лишение или ограничение прав и свобод этого лица.» «Большой юридический словарь» определяет наказание как «меру государственного принуждения, назначаемую по приговору суда».

В психолого-педагогической и этической литературе чаще фигурирует связка «поощрение и наказание», именно в этой последовательности. Речь идет не столько о том, кто и как осуществляет наказание, сколько о соотношении положительных и отрицательных мер воздействия, условиях их применения, степени эффективности и моральной обоснованности.

Свести это многообразие значений, смыслов и контекстов к какому-то общему знаменателю едва ли возможно, но можно выделить в них ряд универсальных формальных компонентов. Всякое наказание есть форма властного принуждения, которое предполагает определенное социальное, позиционное неравенство. В любом акте наказания присутствует несколько компонентов:

1. Агент, наказующий субъект, который предписывает и/или осуществляет наказание. Эти роли не обязательно совмещаются в одном и том же физическом или юридическом лице (законодатель, судья и палач — разные лица). Наказующий субъект может быть не только индивидуальным, но и коллективным, а его ответственность — разделенной и многоступенчатой.

2. Объект, реципиент наказания. Поскольку наказание применимо лишь к живым, обладающим сознанием существам (Ксеркс (486—465 до н. э.), воины которого выпороли развеявшее персидский флот непослушное море, — исключение), отношение между наказующим и наказуемым по определению является субъектно-субъектным. Наказывать можно только того, кто способен испытывать страдания и осознать их связь со своими «неправильными» действиями. В

этом смысле коррелятом наказания является «вина». Так как свобода наказуемого ограничена, нормативно он выступает не столько как действующее лицо, сколько как объект соответствующих манипуляций. Тем не менее, это всегда интерактивный процесс. Реакции наказуемого, будь то крики, слезы, просьбы о прощении или, напротив, сопротивление, брань и бесчувственность, подкрепляют или подрывают власть наказующего субъекта, вызывая у него ответные эмоциональные и иные реакции.

3. Действия, посредством которых осуществляется наказание. Диапазон их может быть очень широк, от словесного неодобрения или жеста неудовольствия до жестокой порки, пытки и даже смертной казни.

4. Инструменты, средства наказания, будь то слово, тюремная камера или розга.

5. Легитимация — способы обоснования наказания, доказательства его необходимости, правомерности и соразмерности.

Как уже сказано, всякое наказание предполагает принуждение: одна сторона причиняет страдания другой, заставляя делать то, чего той делать не хочется, или не позволяя делать то, чего хочется (ограничение свободы или материальных возможностей). Но в отличие от простого насилия, основанного на неравенстве физической силы, наказание есть часть социальной системы и нормативной культуры. Оно предполагает некоторую легитимность, соблюдение определенных правил, которые в той или иной степени признаются обеими сторонами отношения и третьими лицами. Даже расходясь в оценке справедливости и правомерности конкретного наказания, за что и насколько адекватно оно применяется, люди в принципе признают правомерность таких действий и ролей. Там, где этого нет, налицо не наказание, а принуждение.

В основе легитимации лежит принцип иерархии, исторически конкретная вертикаль власти: высший, обладающий властью, имеет право наказывать низшего, зависимого. Начальник может наказывать подчиненного, победитель — побежденного, родитель — ребенка, учитель — ученика. Обратное же невозможно, это — бунт, нарушение не просто одного из правил, но подрыв всей властной вертикали. Именно поэтому оно так соблазнительно и всегда присутствует в воображении наказуемого. Социальные иерархии выстраиваются по-разному. В мальчишеских группах на первый план выступает физическая сила, в

патриархальной семье — старшинство, порядок рождения (каждый старший может приказывать каждому младшему и наказывать его) и/или гендер (мальчик, как правило, влиятельнее девочки) и т. п. При этом границы власти и способы наказания тонко нюансируются.

В отличие от насилия, которое может быть произвольным, — это описывается социологическим термином «аномия» (отсутствие норм) или уголовной метафорой «беспредел», — наказание нормативно и тяготеет к системности и кодификации (это особенно наглядно в юриспруденции). Однако философия, социология и психология описывают эту нормативность по-разному и в разных терминах. В одних случаях на первый план выходят подразумеваемые интересы социума, общества как целого, в других — интересы отдельной социальной группы или общности (семьи, школы, учреждения), в третьих — социально-психологические закономерности диадического (парного) и группового взаимодействия индивидов.

Наказание является сознательным действием, наказующий субъект всегда преследует какую-то цель. Диапазон этих целей очень широк. Это может быть:

а) возмездие за причиненный материальный или моральный ущерб;

б) устрашение, чтобы наказуемый прекратил запретные действия и не повторял их в дальнейшем;

в) долгосрочное изменение ценностных ориентаций и мотивации наказуемого, побуждение его не только воздерживаться от отрицательных (осуждаемых) поступков, но и совершать поступки, которые его начальники или воспитатели считают правильными, желательными (просоциальное поведение).

Очень важный вопрос теории наказания — какое влияние оно оказывает не только на конкретного наказуемого, но и на других людей, которые находятся или могут оказаться в сходной жизненной ситуации (наказание как назидательный пример).

Философия, социология или психология наказания не являются самодовлеющими. Любая теория и практика наказаний прямо или косвенно опирается на принятую или имплицитную (молчаливо подразумеваемую) в данном социуме (культуре) теорию личности, включающую теорию мотивации, предполагаемую степень самостоятельности и индивидуальности, соотношение наказаний (отрицательное

подкрепление) и поощрений (положительное подкрепление) и многое другое.

Поэтому любая, как житейская, так и научная, оценка принятой в обществе системы наказаний и конкретных случаев их применения является множественной и проводится с разных, зачастую несовпадающих, точек зрения:

а) с точки зрения принятой в данном обществе системы философско-нравственных ценностей, представлений о том, что можно и чего нельзя делать с человеком;

б) с точки зрения законности, соответствия наказания действующей системе права;

в) с точки зрения житейских норм справедливости, включая представления о соразмерности проступков и наказаний;

г) с точки зрения их эффективности — достигают ли наказания поставленных целей.

Ответ на последний вопрос, который для практической и социальной педагогики особенно важен, как правило, неоднозначен. Во-первых, эффект наказания может быть неодинаковым в краткосрочной и в долгосрочной перспективе. Во-вторых, наказания, как и все прочие социальные институты, имеют не только явные, но и скрытые, латентные, функции. Строгие наказания за несанкционированные уличные шествия официально направлены на поддержание общественного порядка, но одновременно служат средством борьбы с политической оппозицией и подавления нежелательных для власти социальных инициатив. Отсюда и неоднозначность их результатов. С одной стороны, эти меры укрепляют власть, а с другой — подрывают ее авторитет и придают любой неофициальной инициативе потенциально деструктивный характер. Слабая, лишенная общественной поддержки власть устраивает наказания, усиливая тем самым сопротивление и способствуя политическому радикализму. Иными словами, авторитарная власть сама рубит сук, на котором сидит. В том же ключе можно рассматривать и более близкие к нашей теме проблемы школьной дисциплины.

Как выглядит в свете вышесказанного понятие телесных (или физических) наказаний?

Сколько-нибудь строго научно разграничить физическое, телесное воздействие на человека и психическое, обращенное к его сознанию, ни философски, ни психологически невозможно. Физическое наказание — это наказание путем причинения боли, но переживание боли неразрывно связано с

общим психическим состоянием индивида, а душевные страдания зачастую бывают мучительнее телесной боли.

Однако, если рассматривать вопрос не в психофизиологическом, а в историко-антропологическом контексте, это разграничение отнюдь не бессмысленно. Проблематизация телесных наказаний, появление сомнений в их правомерности и требование их ограничения или запрета — важный показатель уровня развития и свободы личности. И начинается этот процесс не с детей, а с взрослых. Образ ребенка — всего лишь модальность, частный случай принятого культурой нормативного канона Человека. До тех пор, пока считается допустимым физически наказывать, бить взрослых, разговор о том, что не следует бить детей, как правило, даже не возникает. В этом смысле историческая эволюция теории и практики телесных наказаний чрезвычайно поучительна.

Эмпирическая история наказаний вообще и телесных наказаний в особенности часто сосредоточивает внимание на поведенческих и инструментальных моментах, красочно описывая, чем и как людей били, пороли, пытали и т. д. Эти картины, вызывающие у читателей и зрителей не только эмоциональное, но и сексуальное возбуждение (чтобы испытывать его, совсем не обязательно быть садистом или мазохистом), неизменно пользуются коммерческим успехом. Но самыми сложными, проблематичными и исторически изменчивыми представляются не материальные, а культурносимволические аспекты наказания.

В древнейших человеческих обществах наказание практически не отличалось от мести. По отношению к чужакам, «врагам» применение насилия вообще не требовало оправдания, здесь действовало животное право сильного: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!» Внутри собственного сообщества, связанного чувством «мы», тотальная война всех против всех была невозможна. Если кто-то из членов рода или общины нарушал принятые в ней правила общежития, он подлежал наказанию, которое понималось как отмщение. Последнее могло быть как групповым, родовым или семейным (кровная месть), так и индивидуальным. На определенном этапе развития религиозного сознания воплощением и персонификацией этой ретрибутивной (от латинского «ретрибуция» — воздаяние) справедливости становится Бог: «Мне отмщение и Аз воздам» (Второзаконие, 32: 35; Послание к Римлянам, 12:19). Затем эту функцию берет на себя государство.

Древнейшие наказания были телесными и крайне жестокими. Человек, у которого не было собственности, мог расплачиваться за свои прегрешения исключительно собственным телом. Причинение боли или ампутация какой-то части тела казались естественным способом воздаяния: око за око, зуб за зуб. Однако свести проблему наказания к телесным манипуляциям общество не могло, болевые приемы сплошь и рядом непрактичны, племя не могло себе позволить увеличивать число физически неполноценных людей. С появлением собственности уже в древнейших человеческих обществах наряду с физическими наказаниями, а отчасти как их замена появляется дифференцированная система штрафов. За каждый проступок устанавливается определенная такса, на основании которой правонарушитель и его близкие могли «выкупить» (искупить) его вину.

Однако об отмене телесных наказаний в древности даже речи быть не могло. Пытка была одновременно карой и средством дознания, получения от обвиняемого необходимой информации и признания своей вины. Кроме того, казнь была публичным зрелищем, народным праздником. Мучения одного человека служили развлечением и доставляли радость многим другим. Историки спорят, чьи пытки и казни были более изощренными и мучительными — европейские, китайские, японские или в доколумбовых цивилизациях ацтеков и майя. Больше всего, естественно, привлекает экзотика, то, что отсутствует в собственной культуре.

Например, в Китае вплоть до XX в. самым распространенным видом наказания было битье батогами, которые изготавливались из особого вида «темного бамбука», сочетавшего высокую плотность ствола с гибкостью. Батог представлял собой палку длиной свыше полутора метров и толщиной около пяти сантиметров. Наказуемого клали на землю вниз лицом, чтобы нижняя часть спины выдавалась вверх. Один из экзекуторов держал жертву за голову, двое за руки и двое за ноги. Сбоку стоял экзекутор с батогами, еще один отсчитывал удары. Порка происходила публично, при большом скоплении народа. Наказуемый должен был кричать и просить пощады, иначе его поведение воспринималось как непризнание своей вины и злостное неповиновение, что было чревато новыми, еще более суровыми наказаниями. После экзекуции жертву тащили к начальнику, и она благодарила за оказанную милость.

Наказания были массовыми. Когда император Уцзун (1506—1521) собрался однажды совершить увеселительную

поездку в Южный Китай, 107 придворных пытались отговорить его от путешествия. Император разгневался и приговорил их к пяти суткам стояния на коленях, а затем к тридцати палочным ударам. Те, кто и после этого остался при своем мнении, получили еще по сорок-пятьдесят ударов. Всего «придворными батогами» было наказано 146 человек, одиннадцать из них скончались (Книга дворцовых интриг, 2002).

Не отставала от Востока и христианская Европа. Английский словарь телесных наказаний наряду с общим, родовым понятием *flogging*, которое может обозначать любую серьезную порку (любое наказание битьем), от кнута до розги, включает *whipping* (сечение хлыстом или розгой), *birching* (сечение березовой веткой, отсюда и термин), *caning* (битье палкой или тростью), *spanking* (шлепанье ладонью или плоским предметом), *smacking*, *slapping* и т. п. Не говоря уж о таких серьезных наказаниях, как клеймение или отсечение отдельных частей тела.

Во второй половине XVIII в. в эпоху Просвещения европейская философия, а затем и практика наказаний стали меняться. Провозвестником этих перемен был итальянский мыслитель, публицист, правовед и общественный деятель Чезаре Беккариа (1738—1794). В своем знаменитом «Трактате о преступлениях и наказаниях» (1764) Беккариа писал:

«Из простого рассмотрения истин, изложенных выше, с очевидностью следует, что целью наказания является не истязание и доставление мучений человеку и не стремление признать несовершившимся преступление, которое уже совершено. Может ли в политическом организме, призванном действовать, не поддаваясь влиянию страстей, и умиротворять страсти индивидов, найти приют бесполезная жестокость, орудие злобы и фанатизма или слабости тиранов? И разве могут стоны несчастного повернуть вспять безвозвратно ушедшее время, чтобы не свершилось уже свершенное деяние? Цель наказания, следовательно, заключается не в чем ином, как в предупреждении новых деяний преступника, наносящих вред его согражданам, и в удержании других от подобных действий. Поэтому следует применять такие наказания и такие способы их использования, которые, будучи адекватны совершенному преступлению, производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на души людей и не причиняли бы

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru